

БРАТЬЯ ДУРОВЫ

В цирке немало имен, получивших широчайшую известность: Виталий Лазаенко, Бим-Бом (Иван Радунский и Мечислав Станевский), Иван Поддубный, Эмиль Кио, Карандаш, Ирина Бугримова, Юрий Никулин, Валентин Филатов, Олег Попов. И все-таки самыми популярными цирковыми артистами остаются братья Анатолий Леонидович и Владимир Леонидович Дуровы.

По происхождению они дворяне, родились в Москве. Их отец — Леонид Дмитриевич был полицейским чиновником, приставом Тверского участка. Он умер, когда его сыновья не вышли из детского возраста. Мать скончалась еще раньше. Ребят взял на воспитание крестный — Н. З. Захаров, — известный московский адвокат или, как тогда говорили, стряпчий. У него имела значительная практика, а это означало, что он был состоятельный человек, владел домом в Чернышевском переулке. К крестникам Захаров относился вполне благожелательно, они были сыты, одеты и даже получали карманные деньги. Иногда крестный брал их с собой в театр. И учиться он устроил братьев в Первый московский кадетский корпус. Но подлинного семейного тепла, ласки в доме крестного мальчика не получали. Отношение было хорошее, но формальное.

Корпуса братья не закончили, учились

потом в частном пансионе, Но не кончили и его. Известный писатель А. Куприн занимался в том же корпусе и вспоминал, что Анатолий Дуров дошел только до третьего класса. Способности он имел исключительные, но был непоседа, крикун, спорщик, забияка, коновод во всех проделках. Начальству не нравилась его склонность к сатире, к остроумию. И, кроме того, вечно у него под партой гостили всякие животные: ящерицы, лягушки, мыши, кузнечики. А однажды перед экзаменационным столом из дуровского кармана выпорхнул воробей. Другой соученик А. Л. Дурова вспоминал, что он однажды вошел в зал, в котором проходили экзамены, на руках.

Хотя братья были погодки, воспитывались в одном доме, но характерами резко друг от друга отличались. Их связывало только одно: с детства оба были влюблены в цирк и мечтали в него попасть. Откуда была эта любовь? На этот вопрос ответить трудно. Известно только, что однажды их бабушка, жившая во Вдовьем доме, этой богадельне для вдов дворянского происхождения, помещавшемся неподалеку от Кудринской площади, взяла сирот в цирк. Билеты, как на грех, купили с рук и они оказались фальшивыми, с ними в цирк не пустили. Но пока бабушка рылась в ридикюле, спорила с контролерами, внуки слышали звуки циркового оркестра, видели кусок

ярко освещенной арены и выступавших артистов. Первые впечатления потрясли братьев. С тех пор мечта о цирке, как о чем-то романтическом и возвышенном, поселилась в них.

Если Анатолия Дурова в цирке больше увлекала акробатика, гимнастика и клоуны, то Владимир Дуров, мечтая о цирке, видел в нем себя дрессировщиком животных. Гостя у бабушки во Вдовьем доме, он поместил между оконными рамами белых крыс и вел над ними наблюдения. Смотря выступления уличных артистов, он поражался, что собаки ходят на задних лапах, перепрыгивают через обруч, взбираются на лестницу-стремянку. Но его возмущало, что животные казались забытыми, что они явно боялись дрессировщика и даже не подбегали к нему, а подползали на брюхе.

Еще будучи мальчиком, он вел наблюдения над животными и птицами. Обратил, например, внимание, что петух ногами землю роет, ища червей. «Я, — писал Ду-

ров, — бросаю ему кусок хлеба, потом еще и еще. Петух смотрит вверх, но рыть ногами землю продолжает, хотя теперь это лишено всякого смысла». Так впервые рождалась мысль об условных рефлексах, хотя само это слово не произносилось и едва ли оно тогда было известно Дурову.

Между тем увлечение Анатолия цирком возрастало. Он постоянно посещал гулянья, старался побывать во всех балаганах, познакомиться с выступающими в них артистами. В сарае он повесил трапецию, натянул канат, пригласил в качестве учителя наездника из цирка Гинне Анжело Бриатори. Его сменил Отто Клейст, артист одного из балаганов, действовавших на гулянии на Девичьем поле. В своем увлечении Дуров дошел до того, что купил плетку и просил учителя, без жалости, стегать его при проявлении малейшего нерадения.

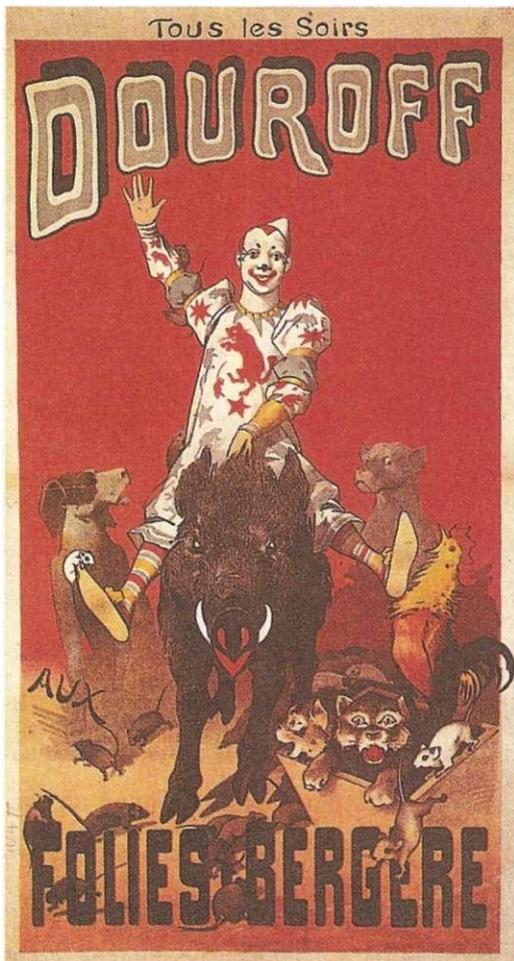
Клейст посоветовал Дурову попробовать себя в одном из балаганов, и Дуров принял это предложение, тем более, что благодаря постоянным упражнениям он накопил силу и ловкость и мог исполнять достаточно сложные номера.

В балагане Анатолий Дуров стоял на раусе, то есть на специальном помосте, воздвигаемом на улице, с которого артисты зазывали зрителей в свой театр. Кроме того, он исполнял номер на трапеции. И однажды во время балаганного представления юношу увидел крестный отец. Он был одновременно растерян и рассержен, и когда шестнадцатилетний Дуров попросил отпустить его в цирк, ответил: «Жизнь клоуна бесполезна, а тебе надлежит быть сыном своей родины, быть ее деятелем и приносить ей посильную помощь. Клоун же тунеядец, живущий тем, что умеет казаться глупее, чем он есть на самом деле».

Между тем Дуров любил в цирке все: ему нравился даже запах газа, которым цирк освещался, и запах конюшни. Цирк действовал на него одуряюще. Что же касается артистов, то они казались ему какими-то волшебниками.

В 1880 году А. Дуров ушел из дома, поступил в балаган В. А. Вайнштока и вместе с ним отправился в Тверь. Это был смелый поступок, если сравнить жизнь барчука, которую все-таки вел Дуров, с бытием балаганного артиста.

В Твери для всех артистов Вайншток снял одну комнату, без всякой мебели.

спали на полу, многие даже не раздевались, вместо подушек шли завернутые в тряпки поленья. Артисты и Дуров вместе с ними ходили по трактирам и за рюмку водки давали представления. Непьющего Дурова угощали пирожками и бутербродами. Многие артисты оказывались под стать своему положению, иные не имели даже паспорта, среди них встречались горькие пьяницы, воры. И все вместе испытывали жестокую нужду.

Однажды Дуров вздумал подшутить над хозяином балагана, и в ответ получил пощечину. Оскорбление оказалось слишком велико, и Дуров от Вайнштока ушел. Но тут случилось непредвиденное, оказалось, что публика успела Дурова полюбить и, когда его не оказалось в программе, стала требовать деньги обратно.

Но Дуров уже уехал в Москву, домой. Обида утихла, а страсть к цирку не проходила, и когда жена крестного пыталась его уговорить больше не возвращаться арену, он ей отвечал: «Не сбивайте меня, Я иду по своему пути и никакие препятствия не в силах заставить меня свернуть в сторону».

Дома Дуров оставался недолго, вступил в труппу, руководимую фокусником С. М. Ринальдо, а от него перешел к акробатам и жонглерам колпачками Робинзон — Николет. И вместе с ними оказался уже не в балагане, а в цирке. Побывал вместе с братьями в Риге, Митаве, Харькове, Одессе. И здесь он с Робинзон — Николет расстался. Приехал в Воронеж и под именем Толи впервые выступил как клоун. На старых фотографиях Дуров в начале своей клоунской карьеры. Вот он с набеленным лицом, в то время как губы ярко-красного цвета. В руках Дуров держит палочку. На голове цилиндр. Одет он в атласный жилет и в яркие, доходящие до груди, длинные брюки. На шее у клоуна большой белый бант. На другой фотографии Дуров в традиционном костюме Белого клоуна.

С самого начала своей деятельности Дуров стремился предложить зрителям нечто необычайное, удивительное. Так в Воронеже он уговорил мальчика — чистильщика сапог — преподнести ему банку с гуталином и тем самым выразить свой восторг. О таком подарке заговорил весь город.

А. Дуров

Если самые первые выступления молодого клоуна из-за его волнения, неопытности, оказались скомканными, то чем дальше, тем больший успех имел Дуров. В Воронеже Дуров решил заняться дрессировкой: купил барана, поросенка, петуха. И тогда же он с особенной силой почувствовал, что значит зависть, стремление уничтожить конкурента. В грим ему подсыпали известь, от чего лицо его распухло. Дрессированного петуха ощипали, а в живот барану воткнули иглу.

Жестокость, царившую в цирке, Дурову пришлось испытать на самом себе. И надо сказать, что он принял ее и нередко поступал в соответствии с такого рода законами.

В 1884 году Анатолий Дуров приехал в Москву. В это время в цирке, действовавшем на Воздвиженке, представления давала труппа, руководимая Э. Шуманом. В ее состав входили только иностранные артисты. Не легко оказалось русскому клоуну стать участником этой труппы. Но он этого добился, а через некоторое время оказался в этой труппе премьером. Афиши специально указывали, что в представлениях участвует молодой русский клоун.

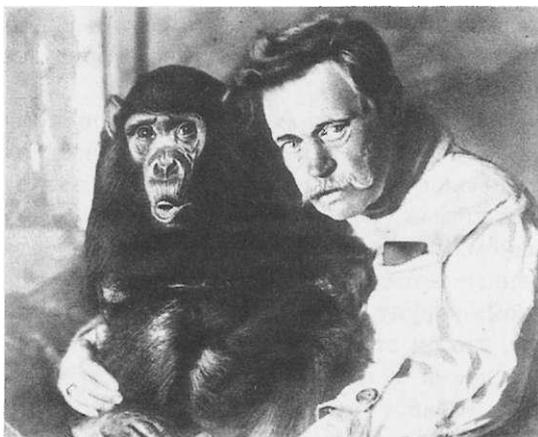
До этой поры клоуны шили свои наряды из ситца, так же поступал и Дуров. Но, готовясь дебютировать у Шумана, Дуров сорвал в доме у крестного дорожную портьеру и сшил из нее клоунский костюм, добавив к нему короткую накидку, напоминающую гусарский ментик. На ноги надевались шелковые чулки и лакированные туфли без каблуков. От колпака Дуров отказался. Перестал он и белить лицо.

На арене теперь появлялся роскошный клоун, так сказать, Клоун с большой буквы. Уже своим внешним видом он вызывал уважение. С этого момента начала утверждаться слава Анатолия Дурова.

Между тем его брат, Владимир Леонидович, так же пошел по цирковой дороге. Но проявляя интерес к животным, к дрессировке, он в 1881 году поступил в цирк — зверинец Гуго Винклера, расположенный в Москве на Цветном бульваре. Здесь он исполнял обязанности сторожа, помощника дрессировщика, так называемого бейрейтора, балконного паяца и акробата.

В условиях зверинца он мог наблюдать за животными, изучать их повадки. За наблюдениями следовали выводы: надо при дрессировке прежде всего использовать естественные навыки животных. Работая у Винклера, Дуров начал себя пробовать как дрессировщик, стал выступать с собакой Бишкой, козлом Бяшкой и морскими свинками.

Но чем больше его увлекала дрессировка, тем яснее Дуров понимал, что ему не хватает знаний, прежде всего в области зоопсихологии, а без таких знаний нельзя добиться значительных успехов. И он ушел из зверинца, вернулся домой. Вняв дово-

В. Дуров со своим питомцем

дам крестного, поступил в училище, руководимое Д. И. Тихомировым, готовящее учителей для земских школ и находящееся под большим влиянием нравственных идей Л. Н. Толстого.

Позже В. Л. Дуров много занимался самообразованием, посещал в качестве вольнослушателя занятия в Московском университете, в частности слушал лекции великого физиолога И. М. Сеченова.

Успех Дуровых возрастал не только с каждым годом, но с каждым месяцем. В 1890 году на русском языке опубликовали роман Жерара де Нервиля «Король шутов» (в переводе В. М. Гаршина). А. Дуров воспользовался этим названием, начал на афишах так себя именовать. Позже он к этому стал добавлять: «Но не шут королей».

В сезоне 1890/91 г. А. Дуров объездил цирки Германии, Австрии, Франции, Испании. И везде имел успех. В Париже в его честь выпустили жетон. В 1895 году в Дюссельдорфе вышел артистический лексикон, из русских артистов в нем упомянут только А. А. Дуров, при этом дан его портрет.

Между тем Владимира Леонидовича все больше увлекала дрессировка животных. Его зверинец постоянно пополнялся. В Астрахани, где он гастролировал, был куплен пеликан. Кажется, ранее эта удивительная птица ни разу не появлялась на арене. Но случилось так, что, когда пеликан был совсем готов к выступлениям, служитель, чтобы проветрить цирк, открыл шاپито и... пеликан улетел. Для Дурова, потратившего много сил и времени на дрессировку экзотической птицы, это оказалось тяжелым ударом. О его горе узнал капитан волжского парохода и привез Дурову другого пеликана. Дуров знал, что эта птица, отыскивая пищу, раздвигает клювом камешки и он решил научить пеликана «читать», точнее говоря, перелистывать книгу. Книгу сделали из тонких листов фанеры, положили между ними мелкую рыбешку. И пеликан в поисках ее начал переворачивать фанерные листы. А у публики складывалось впечатление, что он действительно читает. Номер имел большой успех. Другой пеликан танцевал вальс, грациозно покачиваясь на перепончатых лапах.

Теперь снова вернемся к А. Л. Дурову. Для книги, им изданной, послесловие

написал А. М. Горький. Оно так значительно, что приведем его: «Люди скупы на радость, на смех, охотнее украшают они собою грудь черными бриллиантами печали, чем искрящимися алмазами радости и смеха.

Анатолий Леонидович был тем волшебником, который черным бриллиантам дал игру огня, в отравленный источник печали злил каплю, одну только каплю живой воды — смеха и сделал его целебным, дающим силу и жизнь. Здесь не было ни волшебства, ни ловкости рук: он просто взял человека современности, угрюмого, мрачного и из темного угла печальных воспоминаний вывел его под брызжущие лучи солнца... Человек стал жить.

Не сердитесь же и не гневайтесь на того, кто показал вам «мир кверху ногами», кто заставил вас взглянуть в кривое зеркало жизни — испугаться отразившихся в нем направленных обезображенных черт своего собственного лица.

Всю жизнь прожить в толпе и для толпы и не слиться с ней, не потерять «своего лица», не заразиться ее низменными инстинктами — это большая заслуга артиста».

И другой выдающийся писатель А. И. Куприн писал: «Этот величайший русский цирковой артист впервые показал, что клоун не шут, а художник и сатирик, что он достоин своего памятника, пусть, по нынешним временам, не в бронзе, а хотя бы в благодарных, признательных сердцах. Это Дуров ежевечерне подтверждал на арене».

В то время фамилии артистов ведущий программу не объявлял. Но перед выходом Дурова униформисты в парадных костюмах, а в их состав входили и артисты, участники представления, выстраивались в две шеренги, а ведущий возглашал: «Анатолий Дуров», — и он появлялся на арене, обходил ее, потрясая поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками. И весь цирк его приветствовал громкими аплодисментами. Дуров был красив и обаятелен — подлинный Король шутов, он умел сразу покорить всех, кто находился в амфитеатре, умел заставить себе внимать.

Не следует думать, что Дуров поднимал, а тем более решал какие-то сложные политические вопросы, обращался к философским проблемам. Но то, что он смело,

дерзко и в то же время весело выступал против всех форм реакции, мракобесия, пошлости, то, что он не боялся критиковать власть имущих, поднимаясь до весьма значительных чинов, указывал на царящий бюрократизм, взяточничество, произвол, не могло не вызывать по отношению к нему симпатии. Своими выступлениями Дуров доказывал, что в самодержавном, бюрократическом, полицейском государстве есть силы, противостоящие произволу. И это не могло не вызывать сочувствия тому, о чем говорил, что показывал Дуров.

В своей книжке «В жизни и на арене» А. Дуров в качестве эпиграфа напечатал четыре строчки:

У всякого свое оружие, друзья!
Есть жало у пчелы, у воина копьё,
Владею силой так же я:
Насмешка едкая — оружие мое.

И начинал свои выступления Дуров с короткого монолога, который он читал, стоя на арене, ближе к артистическому выходу. Такие монологи становились как бы визитной карточкой артиста.

Вот один из них:

Я шут! Как люди все, я жажду славы,
Хотя служу толпе лишь для забавы.
Шуты царей когда-то веселили
И им, порою, правду говорили.
Хотя неоднократно их язык
Слух царский приводил в тупик.
Но к ним со снисхождением относились,
На них не обижались, не сердились,
Все понимали, что шутить весь век
Умно, без промаха не может человек!
Намеренно я никого не оскорбляю,
А если кой-кого случайно задеваю,
Заранее прошу простить:
Лишь веселить, а не сердить
Я вас желаю.
Итак, я начинаю.

Из приведенного монолога очевидно, что Дуров стремился «самортизировать» возможные на него нападки в связи с сатирическими вещами, к которым он обращался.

Но бывали в его репертуаре монологи гораздо более едкие, заставляющие настаиваться. Вот начало одного из таких монологов:

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ
В. МАЛАФЪЕВА
НА ЦАРИЦЫНОМЪ ЛУГУ.
 Въ Субботу, 8-го Апрѣля 1895 года,
БЕНЕФИСЪ
перваго русскаго соло клоуна
АНАТОЛІЯ ДУРОВА

<p>Для Петербуржцевъ я стараюсь Всегда новинки припасать, И въ Малафьеву извѣстность Съ фурорной новостью опясть. Что интересно представляю, Въ томъ поргаться я готовъ; Всегда приведу я въ изумленья Войною Куръ и Цѣдуховъ.</p>	<p>Мои войска хоть и прыгаты, Враговъ стрѣляютъ, рывутъ, бьютъ. Здѣсь цѣлухи, тамъ солдаты, И куръ лѣзутъ на рожу. Среди такого дѣла сраженья Не мало выкинухъ козвѣвъ, И Петербуржцевъ безъ сомнѣнья Возьму съ танцъ и пофесекъ въ цѣвъ.</p>
<p><small>Петербургъ, 8-го Апрѣля 1895 г.</small></p>	<p><small>Анатолій Дуровъ.</small></p>

БЕНЕФИСЪ АНАТОЛІЯ ДУРОВА.

Бенефис — это спектакль, представление в честь одного из его участников. Бенефисов устаивались, как правило, только выдающиеся артисты. Сохранилась афиша бенефиса А. Дурова

В далекую старинушку,
 В домах бояр причудливых
 Шуты и дураки носили колпаки.
 А в нынешнее время
 Мы видим в высшем обществе
 Шутов и дураков без всяких колпаков!

С самого начала клоунской деятельности А. Дуров выступал с животными. Но, если честно признаться, выдающимся дрессировщиком он не был и большим зверинцем, тем более включающим редких, особенно экзотических животных, он никогда не владел. Больше всего он любил работать со свиньями. К тому же следует сказать, что всю предварительную работу, связанную с дрессировкой, обычно проводили помощники артиста и его жена Тереза Штадлер.

О своих опытах дрессировки Дуров, не без иронии, писал: «В случае нужды для номера поросят, я их беру напрокат. Три-четыре дня вполне достаточно, чтобы животное выдрессировать для нужных мне целей». В другом месте он писал: «Номера, кажущиеся хитроумными, так же незамысловаты и так же легко вдалбливаются в зверьков, которые всегда представляются зрителям чрезвычайно смышленными, между тем это не более чем фокус».

Животные нужны были Дурову в первую очередь для всякого рода сатирических номеров, для аллегорий, для сопоставления с людьми.

Для Дурова всегда было характерно умение прибегнуть к остроумному экспромту, разыграть басню, ответить зрителю одновременно зло и шутливо. Он оставался остроумцем не только на арене, но и вне ее. Приведем для доказательства сказанного примеры. Сын редактора газеты «Московский листок» считал себя вправе делать грубые замечания в адрес тех, с кем он соприкасался. Он знал, что в издаваемой его отцом газете всегда мог появиться материал, весьма неприятный для того, кто позволял себе ответить на оскорбление. Так что лучше было с ним не связываться. Однажды в цирковой конюшне, окруженный большой компанией молодых людей сын редактора обратился к Дурову:

— Пользуетесь успехом, господин клоун?

— Как видите.

— А правда, скажите пожалуйста, чтобы пользоваться на цирковой арене успехом, нужно иметь глупую физиономию?

— Правда, — ответил Дуров.

Компания захохотала.

— И, — продолжал Дуров, — если бы я имел такую физиономию, как ваша, мой успех был бы еще обеспеченнее.

Когда в 1891 году Дуров выступал в Одессе, градоначальником был адмирал П. А. Зеленый, человек грубый, от которого одесситы, что называется, стонали.

Однажды Зеленый вошел в цирковой буфет. Все в нем находящиеся встали и только Дуров оставался сидеть. «Скажите этому олуху, что я Зеленый!» — закричал адмирал. Тогда Дуров встал и громко сказал: «Вот когда ты созреешь, я буду с тобой разговаривать». И вышел из буфета.

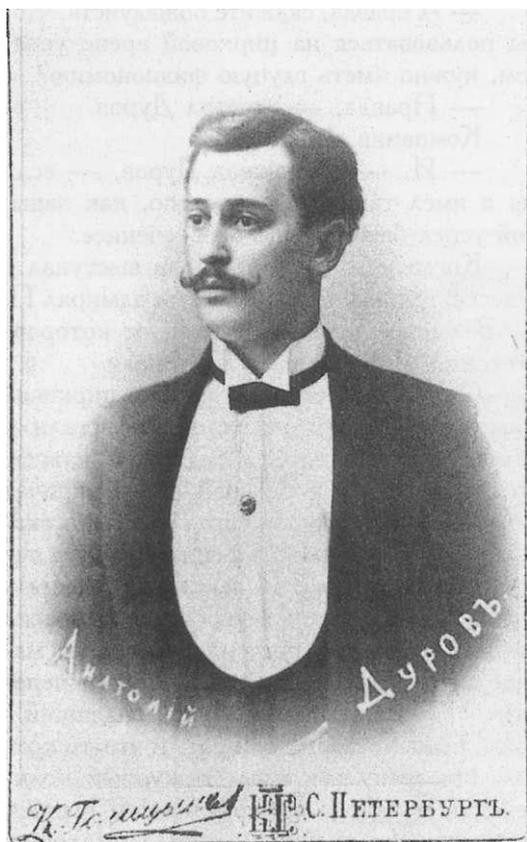
Но этого мало: вечером он выкрасил свинью в зеленый цвет и вывел ее на манеж. Что делалось в цирке, трудно передать. Побагровевший адмирал, сидевший в ложе, вскочил со своего места и что-то кричал. На арену выскочил дежурный полицейский и ударил свинью эфесом шашки, свинья визжала, но не уходила. Наконец, Дуров ее увел. Но этим дело не кончилось. На утро Дуров запряг свинью в тележку и поехал по городу.

Конечно, его из Одессы выслали, но эта история обошла всю Россию.

После злополучной стычки с сыном редактора «Московского листка» в цирк пришел сам редактор — Н. И. Пастухов и занял место в первом ряду. Тогда Дуров вывел свинью, она встала передними лапами на барьер, прямо напротив того места, на котором сидел Пастухов. «А, — сказал Дуров, — старого знакомого увидела, насмотреться не можешь». («Старый знакомый» был псевдонимом Пастухова.)

В те годы выходила черносотенная газета «Гражданин», которую редактировал князь Мещерский. В один из вечеров Дуров разложил на арене три газеты и попросил свинью выбрать по вкусу. И когда та стала тыкаться пяточком в «Гражданина», заметил: «Вот свинья и газету выбрала свинскую».

Таким образом Дуров прежде всего утверждался в качестве клоуна-сатирика. Дрессированные животные у него играли вспомогательную роль. В 1887 году весь

его зверинец состоял из свиньи, козла, собака, барана и лисы. В 1890 году к ним присоединились четыре кошки, они поднимали флаг, стреляли из револьвера и пушки.

Собаки у Дурова «распевали» дуэтом, то есть выли на разные голоса, свиньи вальсировали, петух, по приказанию дрессировщика, кукарекал. По арене проходила миниатюрная железная дорога, крысы изображали машиниста, кондукторов и пассажиров.

В 1895 году Дуров демонстрировал «Взрыв крепости». Если верить афише, то в этой птичьей пантомиме участвовали тысяча кур и пятьсот петухов. Петухи звонили в колокола, вызывая караул, ходили в атаку, стреляли из пушки. «Раненые» куры падали, их укладывали в санитарные тележки и увозили. Дуров комментировал действие, используя злободневные шутки.

В 1896 году Дуров показал новый номер: «Приключения в городе Свинске». В нем участвовало до семидесяти свиней. Декорация изображала провинциальный город, в центре которого возвышалась каланча. Загорался дом и горел по всем законам

пиротехники. Приезжали пожарные, роли пожарных играли поросята. Другие поросята изображали погорельцев. И в этой пантомиме значительное, если не главное место занимал Дуров с его сатирическими репризами.

Надо заметить, что в молодости, когда Дуров только начинал цирковой путь, он, так же как его коллеги, и в униформе стоял, и в пантомимах принимал участие, и в балетах танцевал, и сальто-мортале при помощи так называемого большого трамплина через препятствия совершал, участвуя в соревнованиях цирковых прыгунов, и выходил, пока отдыхали наездницы, чтобы сказать две-три шутки или исполнить какой-нибудь комико-акробатический фортель. Вместе с другими клоунами он разыгрывал антре «Слон», танцевал на ходулях, представлял дрессированную кошку, участвовал в музыкально-эксцентрическом номере: «Сумасшедший капельмейстер». Короче говоря, оказывался мастером на все руки.

Но утвердившись, как соло-клоун. Дуров занимал целое отделение, обычно третье и в других цирковых действиях участия больше не принимал.

Владимир Леонидович Дуров так же утверждался, как клоун-сатирик с дрессированными животными, но дрессировка в его выступлениях все чаще занимала доминирующее место.

В Клину Дуров рассказал такой анекдот: «Иду берегом, смотрю собрался народ, спрашиваю:

— Что делаете, ребята?

— Да вот случилось несчастье, бьемся, бьемся, три часа из воды вытащить не можем.

— Кто утонул? — спрашиваю.

— Полицейский надзиратель.

— Эх, ребята, помочь вам? Верный дам совет. Покажите ему трехрублевку, он сам из воды выскочит».

Занимаясь дрессировкой, Дуров все чаще задумывался над ее научной основой. В 1882 году вышла его интересная книжка: «Записки дуровской свиньи». В ней, наряду с любопытными эпизодами, связанными с дрессировкой, Дуров делал попытки объяснить основы дрессировки. По его мнению, прежде всего следует заботиться

о вкусопоощрении. Так добиваясь, чтобы свинья кружилась в вальсе, Дуров обильно смазывал хлеб салом и водил им возле носа квотного, а потом угощал свинью лакомым кусочком. Постепенно, не сразу, это, конечно, требовало большого терпения, Дуров добился нужного результата: стоило ему повернуть руку, и свинья делала поворот. Опираясь на условные рефлексy, Дуров и дрессировал своих животных. Наказаний избегал, а истязаний — тем более.

Приступая к дрессировке, Дуров прежде всего выяснял, что именно свойственно животному в природных условиях? Что может быть ему приятно? Он никогда не шел против натуры животного, отсюда и поразительные результаты, каких он добивался.

Что касается внешнего построения выступления Дурова, его костюма, то здесь он повторял брата и так же, как он, начинал с выходного монолога:

Я шут, друзья, тяжелых наших дней,
Обязанность моя смешить не королей,
Коим не слышны свысока

Портрет В. Дурова

Народа тягостные стоны.
Но моего я колпака
Не дам за их короны.

Потом шел показ дрессированных животных, перемежаемый шутками. Свинья каталась на бочке, стреляла из револьвера, пяточком поворачивала с бока на бок Рыжего клоуна. Успех имела пантомима «Крысолов из Гамельна». Дуров играл на флейте. Крысы забирались на дрессировщика. Дуров их сбрасывал, бежал по кругу, но крысы его догоняли и снова на него забирались. Тонул пароход, крысы садились в шлюпки, поднимались на воздушных шарах.

В 1887 году Дуров показал дрессированного волка и собаку-математика. По кругу раскладывались цифры от единицы до девяти. Публика предлагала собаке решить задачу на сложение, вычитание и умножение, и собака поднимала картон с полученной в результате цифрой. Конечно, собака задачу не решала, необходимый знак ей подавал дрессировщик...

Все чаще В. Л. Дуров раздумывал о воспитательной функции цирка, о том, чтобы цирк не только развлекал, но и образовывал зрителей.

Первые годы XX века были для А. Л. Дурова трудными. Он много раздумывал о назначении клоунады, о природе комического. В 1913 году в Большой аудитории Политехнического музея в Москве Дуров прочел лекцию: «О смехе и жрецах смеха». Несомненно, готовя эту лекцию, он использовал высказывания французского философа Анри Бергсона, приведенные в его книге «Смех в жизни и на сцене», тогда эта книга имела большой успех. Но многие интересные мысли, в лекции содержащиеся, принадлежали лектору.

Лекция делилась на две части, в первой рассматривалась теория комического, во второй — технология клоунады. Несообразность и неожиданность — вот два главных условия комического, но при этом следует учитывать третье условие: уверенность в благополучном исходе. Если такой уверенности нет, тогда несообразность и неожиданность могут обернуться трагедией.

Обращаясь к клоунаде, Дуров прежде всего определял клоунов, как художников, но если это так, то только те из них, кто

умеет хорошо разбираться в происходящих событиях, давать им правильную оценку, заслуживают право именоваться подлинными клоунами.

Конечно, клоуну необходим талант, но, кроме того, нужна неустанная работа. И только из соединения того и другого может выйти подлинно художественное творение. В клоунаде не может быть ничего случайного, ничего лишнего. «Клоун может быть художником такого же рода, как Сальвини, разница только в направлении их талантов».

Выступления Анатолий Дуров продолжал, и они строились так же, как и в прежние годы. Для выхода известный журналист, приятель Дурова, написал монолог, начинающийся словами:

Синее море бурлит и шумит,
У синего моря урядник сидит,
И злоба урядника гложет,
Что шума унять он не может.

И, как в прежние годы, животные в значительной степени использовались в качестве средства для всякого рода сатирических приемов. Так, в 1911 году Анатолий Дуров демонстрировал аллегорическое шествие животных с соответствующим комментарием. И, как в прежние годы, ему приходилось испытывать нападки цензуры и полиции, приходилось платить штрафы, как и прежде, его нередко выслали из городов. Но при всем этом успех Дурова снижался. В России в значительной степени претерпевала изменения политическая обстановка, приобретая все более сложный характер, происходила междупартийная борьба. При этом шутки Дурова все более казались примитивными, не отражающими происходящих процессов.

В конце 1915 года Дуров начал гастролировать в цирке В. З. Максимюка в Мариуполе. Здесь 27 декабря состоялось его последнее выступление. Дуров заболел брюшным тифом. Узнав об этом, хозяин гостиницы предложил освободить номер, он боялся, что другие постояльцы, узнав о такой болезни, выедут. При температуре 40° Дурова перевезли в больницу, где он 7-го января 1916 года скончался.

Многие газеты, в связи со смертью артиста, поместили некрологи. Для деятеля

цирка такое было необычным. Известный журналист Н. Г. Шебуев писал: «После смерти А. Л. Дурова никто не бросает в публику смелые стрелы, не боясь за это отсидки. Никто не хочет понять, что клоун должен не только получать пощечины, но раздавать их».

Владимир Леонидович Дуров продолжал выступать. Он расширил зверинец. В 1912 году у него было шесть вагонов животных.

И по-прежнему клоун-дрессировщик прибегал к сатире. Так, в 1900 году поставил в Житомире пантомиму «Дело Дрейфуса», направленную против антисемитизма. Известный писатель Л.В. Никулин в этой связи писал: «Нужна была смелость, а главное передовой демократический образ мыслей, чтобы поставить в цирке пантомиму на такую острую, политического значения тему».

Сам Дуров говорил в одном из монологов:

Много лет мне запрещали
В шутку правду говорить,
Из губерний выслали.
Приходилось в тюрьмах жить.

Но успех приносили не столько сатирические монологи, сколько номера с дрессированными животными. В 1911 году в зверинец В. Л. Дурова входили: слон, морские львы, верблюд, обезьяны, пеликан, свиньи, собаки и другие животные. Пожалуй, не только в России, но и во всем мире никто не представлял такое разнообразие зверей и птиц.

Момент репетиции

В 1907 году Дуров показал знаменитую железную дорогу. Рельсы проходили поперек арены, по ним двигался локомотив и три вагона, два пассажирских и багажный. Обезьяна была машинистом, гуси изображали носильщиков, утка — станционного смотрителя, еще одна обезьяна — стрелочника. Роль контролера играл козел. Пассажирами были морские свинки. Заяц уезжал, сидя на буфере. А актер — цапля, на своих длинных ногах, шагала по шпалам, вслед за поездом. И как всегда, Дуров шутками комментировал происходящее на арене.

Был у Дурова очень смешной номер: «Слон — парикмахер». Слон «брил» карлика. Замечательно работали морские львы, бросающие и ловящие ртом клоунские колпаки, балансирующие на носу мячи, производящие боковые кульбиты, аплодирующие ластами, когда тот или другой трюк им удавался.

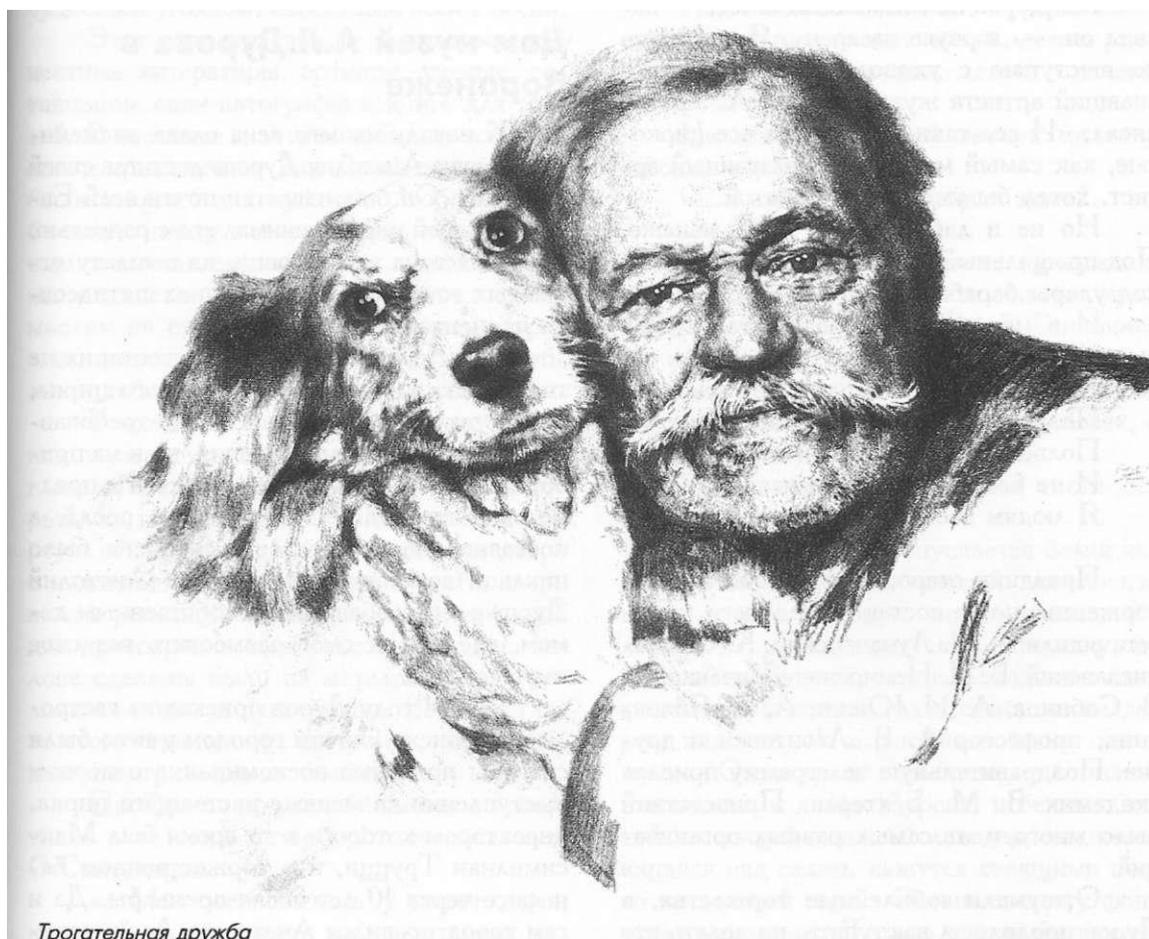
И что очень существенно — Дуров все в большей степени старался подходить

к дрессировке с научной точки зрения. В предисловии к книге «Дрессировка животных», написанной Дуровым, крупные ученые-зоопсихологи, профессора Г. А. Кожевников и А. В. Леонтович утверждали: «Дуров старается учесть внутренний мир животного, внутренние мотивы его поступков, любовно обращаясь с животными, как с чем-то человекоподобным, но со своеобразной психикой, применяя при этом даже приемы гипноза».

В 1910 году в Москве на улице Старая Божedomка (теперь улица Дурова) В. Л. Дуров купил дом и усадьбу, создал в нем зоологический музей, поместив в нем чучела зверей, с которыми он выступал. Там же он организовал лабораторию, в которой серьезно занялся научной работой. Был при доме и Театр зверей.

Научными опытами Дурова заинтересовались многие ученые, в том числе академик В. М. Бехтерев.

Дуров мечтал о создании школы дрессировщиков. «Годы мои уже стоят на скло-

Трогательная дружба

не и мои физические силы могут мне скоро изменить, но оглядываясь вокруг, я вижу, что некому мне вручить богатое наследство моего пятидесятилетнего опыта».

Но, работая в лаборатории в белом халате ученого, Дуров в то же время никогда не забывал о том, что он клоун, цирковой артист. Только теперь он все больше стремился утвердить цирк как воспитательное учреждение. И читая с арены монолог, он его заканчивал так:

Теперь же знания свои и чувства
Я отдаю тому, чтоб просветить народ,
И новый вид бессмертного искусства
В содружестве с наукой процветет.

В 1927 году решили провести юбилейный вечер, посвященный пятидесятилетию творческого служения Дурова. Его ученые друзья советовали провести вечер в лаборатории, в узком кругу. Их смущало, что Дуров — клоун, что он носит паяснические шаровары.

Но Дуров не согласился. «Нет, — заявил он, — я рвусь на арену. Я уже стар, но выступаю с удовольствием». Близко знавший артиста журналист И. А. Уразов писал: «И все-таки Дуров, как все цирковые, как самый маленький балаганный артист, хотел бы умереть за работой».

Но не в лаборатории, а на манеже. Под прощальный вальс, под ржанье коней, под удары барабана».

И в монологе, который читал Дуров имелись такие строки:

Полвека я ношу шута название,
Полвека я весь истиной горю,
И не боясь ни мук, ни наказаний
Я людям всем о братстве говорю.

Праздник старого клоуна обставлялся торжественно, в состав юбилейного комитета вошли: А. В. Луначарский, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Л. В. Собинов, А. И. Южин, А. А. Яблочкина, профессор А. В. Леонтович и другие. Поздравительную телеграмму прислал академик В. М. Бехтерев. Приветствий было много и от самых разных организаций.

Отшумели юбилейные торжества, а Дуров продолжал выступать, но делать это

ему становилось все труднее, подводило сердце, приходилось присаживаться на барьер и принимать лекарство.

5 августа 1934 года Владимир Леонидович Дуров скончался. Похоронен он на Новодевичьем кладбище.

Прошли десятилетия... На манеже цирков не увидеть больше имен Владимира и Анатолия Дуровых, выписанных цветными опилками. Но золотыми буквами начертаны они в истории циркового искусства.

Жизнь их не всегда была легкой, но они обладали огромной силой сопротивления, необходимой для непрекращающейся борьбы, силой, которая зовется Талантом.

Старый цирк с его взлетами и падениями рождал тысячи надежд и еще больше разочарований. Были трудности, разочарования и у братьев Дуровых, но невзгоды не сломили их сильного духа, они щедро делились с народом своим талантом, дарили людям радость общения с искусством, искренний смех.

Дом-музей А.Л.Дурова в Воронеже

К началу нашего века слава знаменитого клоуна Анатолия Дурова достигла своей вершины. Он был известен почти всей Европе. Любой цирк принимал его с радостью, соглашаясь на все условия, на выплату огромных гонораров, достигавших пятидесяти процентов от сбора.

Деньги лились рекой. Тратил он их не только на содержание собственного цирка, на покупку животных, постоянно требовавшихся для пополнения труппы, но и на приобретение всевозможных редкостей и предметов искусства. Коллекция его росла, а постоянно перевозить ее с собой не было никакой возможности. И тогда Анатолий Дуров решает обзавестись собственным домом, где бы он смог разместить все свое имущество.

В 1901 году Дуров приехал на гастроли в Воронеж. С этим городом у него были связаны приятные воспоминания о первом выступлении на манеже настоящего цирка, директором которого в то время был Максимилиан Труцци, и о торжественном бенефисе через 10 лет после премьеры. Да и сам город нравился Анатолию Леонидови-

Анатолий Леонидович Дуров с женой Еленой Робертовной у дома, в котором теперь открыт музей

чу своей патриархальной тишиной и спокойствием.

В этот свой приезд и купил Дуров заброшенную усадьбу, расположенную в конце Мало-Садовой улицы, на самом берегу широкой реки Воронеж, и ставшую вскоре чудесным уголком, известным всей России.

Этот дом приезжали посмотреть известные литераторы, артисты, ученые, оставившие свои автографы в книге для гостей. В весеннее и летнее время, в воскресные и праздничные дни Дуровская усадьба была открыта для публики. Любой за небольшую плату мог осмотреть все павильоны, с выставленными в них всевозможными редкостями, картинами, написанными маслом на стекле самим Анатолием Дуровым, всевозможными сюрпризами для публики, табличками с забавными надписями.

У входа посетителя встречала огромная голова с красным носом и стеклянными глазами с широко разинутым ртом, в который, не нагибаясь, мог войти человек. Во рту с оскаленными зубами виднелась дверь с надписью: «Вход воспрещен». Эта дверь вела в репетиционный манеж, построенный для дрессировки животных. Волосы на голове сделаны были из метелок, а сама голова из глины и папье-маше. Вечером глаза этого страшилища светились, подсвеченные электрическими лампочками.

Пройдемся по усадьбе вместе с известным в те годы петербургским писателем С.Скитальцем.

«...Мы остановились у ворот дома, который по внешности не представлял ни-

чего оригинального: приземистый, низенький, он построен был по стилю всех окраинных провинциальных домов, похожих на хорошо поевшего обывателя, у которого одно только желание: вздремнуть бы эдак на полчаса...

Над калиткой довольно оригинальная надпись: «Кто приходит ко мне, делает удовольствие, кто не ходит, делает одолжение...».

На мой призывный звонок калитку отворил карлик.

— Анатолий Леонидович дома?..

— Дома. Пожалуйте...

Переваливаясь на низеньких ножках, карлик побежал докладывать обо мне, пригласив меня следовать за собой. В кабинете, к которому мы подошли, из-за стола, заваленного бумагами, радостно поднялся навстречу мне небольшого роста человек, с живыми блестящими глазами...».

После обеда Дуров повел гостя осматривать усадьбу.

«Террасами вниз спускается белая каменная лестница, над которой тяжело нависли сочные зреющие вишни, сливы, яблоки... Терраса упирается в площадку, на которой из зеленой лягушачьей головы бьет фонтан. Бросается в глаза прибитая на дереве надпись: «И в раю жить тошно одному»... Опускаемся еще ниже, так низко, что отсюда и домик Дурова, и белая с витой лестницей вышка-бельведер, поднимающаяся над садом, кажутся стоящими где-то на далекой горе... Остановились у фонтана с надписью: «Только фонтан бьет снизу

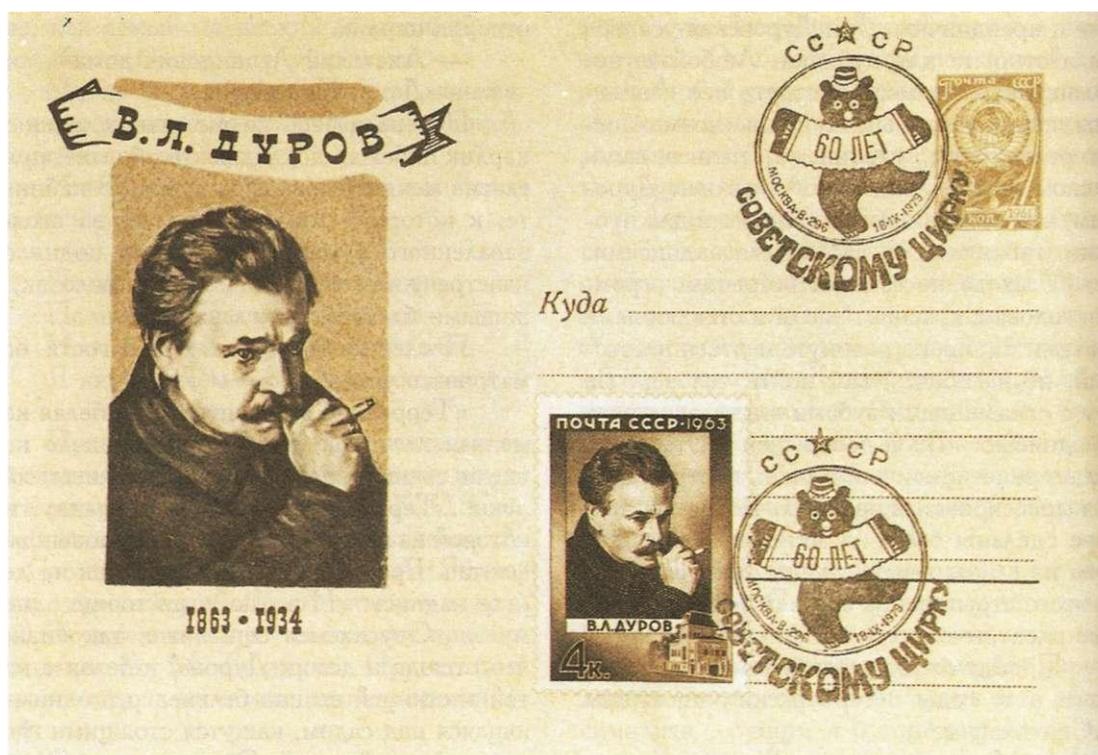
вверх, обыкновенно бьют сверху»... По иллистоу каменному дну фонтана важно ползают черепахи...».

Спустившись, они попали в обширный каменный грот со сводами, сталактитами и нишами, в которых размещены и подсвечены электричеством аквариумы с экзотическими рыбами и террариум с ящерицами, тритонами, саламандрами. Из грота Дуров провел посетителя в «весьма серьезный отдел». Отдел начинался помещением, в котором были развешаны кривые зеркала, бывшие в то время редкостью. Сейчас подобные «комнаты смеха» с зеркалами можно увидеть в парках. В этом же «серьезном отделе» находились чучела гусей, «которые Рим спасли», «стружки от лестницы, которую Иаков увидел во сне», пара ботфортов с надписью: «сапоги, в которых Наполеон сделал шаг от великого до смешного» и много, много других вещей, к которым были придуманы забавные, образные названия.

«По узкой лестнице со скользкими ступенями, вероятно, по той же самой лестнице, по которой сходят в царство мертвых, спустились мы с Анатолием Леонидовичем в подземный ход, тускло освещенный редкими электрическими лампочками... Вет

затхлою заgrabной сыростью могил. От поучительных надписей, сопровождающие вход в подземелье, невольно делаешься философом. «Наш путь — короткая дорога от метрики до некролога» — смеясь говорит белая дощечка. Спускаемся в подземелье. «Жить остается немного — надо торопиться работать» — зловеще предостерегает следующая дощечка, когда я в раздумье останавливаюсь над стеклянным ящиком, положенным в нише подземелья.. Кости из братской могилы убитых в Полтавском бою шведов. Мирно лежат они, не зная теперь ни вражды, ни дружбы. Идем дальше: налево и направо ниши с полочками, читаю надпись: «Рано ли, поздно ли всяк попадет на свою полочку».

Подземный ход вывел хозяина и его гостя в «Замок царицы Тамары» — картинную галерею. Стены задрапированы черным ковром. Мягкие ковры заглушают шаги. По стенам, в углублениях, картины: «Ночь»... два огненных глаза паровоза, высвечивающих рельсы... На них что-то темное; «Добыча Демона» — «мрачный черный Демон стиснул правой рукой прекрасную девушку с беломраморным лицом...»; «Маяк» — бурные волны, разби-

"Почтовая открытка"

вающиеся о скалу, на вершине которой поставлен стройный маяк. Это была галерея живописно-макетных произведений, созданных самим Дуровым. Он был неплохим художником, и его работы отличались оригинальной техникой исполнения. Все они были написаны на стекле особыми прозрачными красками, а передний план делался рельефным, вылепленным и смонтированным из глины, пластилина, дощечек, веточек и других материалов, создавая объемность и воздушную перспективу.

«Из галереи картин направились мы в музей, но по дороге заинтересовался я «Немецкой улицей». «Детская игрушка, — усмехнулся Анатолий Леонидович, — сколотил на досуге...». Улица начиналась домами почти натуральной величины. Если это и была игрушка, то игрушка чистой изящной нюрнбергской работы. Железные средневековые ворота запирают узкую улицу, прихотливо бегущую вниз между двумя рядами высоких домов в угрюмом готическом стиле... Так и кажется: загремят трубы герольдов и из-за угла, тяжело ступая, выйдут закованные в латы суровые немецкие рыцари...

Но не выходят рыцари, а в окне одного из нахмурившихся домов нежно белеет занавесочка: кого там, тоскуя, поджидает Гретхен?

...Поднимаемся в музей... Хотел бы я описать его весь — не могу: пришлось бы описывать и далекое доисторическое и историческое прошлое человечества и его настоящее, а для этого надо целые тома. Достаточно сказать, что в музее 20 отделов кроме картинной галереи скульптуры... Глаза жадно перебегают от одного предмета к другому, не зная, на чем остановиться. С первого же взгляда удивленно остановился перед мумией... Рядом саркофаг с тремя крышками 21-й Египетской царствующей династии (более 1000 лет до Рождества Христова) из коллекции покойного гофмейстера двора его императорского величества М.А.Хитрово... Целый лес оленьих рогов: маленьких, ветвистых... Огромные отделы естествознания: чучела и шкуры разных

животных, змей, черепахи, рыбы, крабы, птицы, бабочки, насекомые... Отдел редкостей: обломок любимой чашки Петра I, разбитой в день его смерти, шашка Шамиля, разорвавшаяся граната, пущенная японцами в первый раз в Порт-Артуре, и т.д. Громадная и ценная коллекция старинной и редкой посуды (более ста предметов), разные минералы, предметы, найденные при раскопках, старинное оружие... Всего не перечислишь. Но приходится все-таки особо отметить полную натуральную копию зала дворца эмира Бухарского, дающую точное представление об азиатской роскоши... Картинная галерея: Айвазовский, Шишкин, Бенуа; скульптурный отдел...».

Осмотр усадьбы Дуров и его гость закончили посещением египетского павильона. Посередине его стоял стол с гладкой белой столешницей. На ее поверхности виднелась чудная картина: острова со стаями пасущихся гусей, речные протоки с движущимися по ним парусными лодками, крыши домов, колокольни, и над пейзажем — голубое небо с летящими по нему облаками. Все это перемещалось и жило настоящей жизнью. Сильный морской перископ и специальное устройство передавали на эту столешницу изображение всего того, что происходило на берегу реки перед усадьбой.

Вечером сад был озарен светом — зажигались сразу все электрические фонари, расставленные по аллеям, декоративная звезда на одной из стен музея-павильона искрилась, автоматически меняя свою форму и цвета. Струи фонтанов светились розовым, нежно-зеленым, желтым и голубым цветами...

После смерти Дурова в 1916 году постепенно усадьба пришла в упадок. Вдова его — Елена Робертовна Дурова, дожившая до 93 лет, своим завещанием передала дом и прилегающий к нему участок в ведение городских властей. В 80-х гг. в доме Анатолия Дурова был открыт музей. Постепенно восстанавливаются павильоны и надворные постройки. Будем надеяться, что усадьбу восстановят полностью.

